

УДК 94(47)+323/324

DOI: 10.25742/NRIPH.2021.03.007

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1915)

Златина М.А.¹

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Ключевые слова:

история медицины, беженцы, выселенцы, Первая мировая война, общественные благотворительные организации, эпидемия, противоэпидемические мероприятия, Общества охранения здоровья еврейского населения.

Аннотация

Статья посвящена исследованию круга проблем, с которыми сталкивались благотворительные общественные учреждения, оказывающие помощь беженцам и выселенцам, при организации мер, направленных на предотвращение вспышек эпидемий заразных болезней среди вынужденных мигрантов. В качестве наглядного примера изучается опыт оказания санитарно-эпидемиологической помощи еврейским выселенцам в Черниговской губернии (1915 год). Данное исследование позволило выявить ряд проблем, мешавших успешному решению задачи по предотвращению вспышек эпидемии среди вынужденных мигрантов. Среди них: слабая осведомленность местной администрации о санитарно-эпидемиологической обстановке, в которой жили вынужденные мигранты. Нескоординированность работы схожих по своему амплуа благотворительных общественных организаций, которые своими несогласованными действиями и «перетягиванием одеяла на себя» не способствовали успешному решению поставленных задач. Неразрешенность «квартирного вопроса», что приводило к скученности проживания большого числа вынужденных мигрантов в помещениях, нередко не пригодных для обитания, как следствие, антисанитария и благоприятная почва для вспышек эпидемий. Только быстрое решение проблемы с нехваткой денежных средств и медикаментов могло позволить успешно решить и вопросы организации противоэпидемиологических мероприятий в отношении вынужденных мигрантов. Также в статье отмечается тот факт, что в первые месяцы Первой мировой войны, пока явление беженства не приобрело масштаб катастрофы, особо острого внимания проблеме предотвращения эпидемий среди вынужденных мигрантов не уделялось. Ситуация изменилась только летом 1915 года, когда возникла угроза эпидемиологического характера.

PROBLEMS OF ORGANIZING ANTI-EPIDEMIC MEASURES AGAINST FORCED MIGRANTS ON THE EXAMPLE OF JEWISH REFUGEES IN THE CHERNIHIV PROVINCE OF THE RUSSIAN EMPIRE (1915)

Zlatova M.A.¹

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation*

Keywords:

history of medicine, refugees, evictees, World War I, public charitable organizations, epidemic, anti-epidemic

Abstract

The article is devoted to the study of the range of problems faced by charitable public organizations that provide assistance to refugees and evictees, when organizing measures aimed at preventing outbreaks of infectious diseases among forced migrants. As an illustrative example, we study the experience

measures, Societies for the protection of the health of the Jewish population.

of providing sanitary and epidemiological assistance to Jewish evictees in the Chernihiv province (1915). This study revealed a number of problems that hinder the successful solution of the problem of preventing outbreaks of the epidemic among forced migrants: poor awareness of the local administration about the sanitary and epidemiological situation in which the forced migrants lived. Uncoordinated work of charitable public organizations similar in their roles, which, by their uncoordinated actions and pulling the blanket over themselves, did not contribute to the successful solution of the tasks set. The unresolved "housing problem", which led to the crowding of a large number of forced migrants in rooms that are often not suitable for habitation, as a result, unsanitary conditions and favorable soil for outbreaks of epidemics. Only a quick solution to the problem of the lack of money and medicines could allow us to successfully solve the issues of organizing anti-epidemic measures against forced migrants. The article also notes the fact that in the first months of the First World War, while the phenomenon of refugees did not acquire the scale of a catastrophe, special attention was not paid to the problem of preventing epidemics among forced migrants. The situation changed in the summer of 1915, when there was a threat of an epidemiological nature.

Крупномасштабные боевые действия, раз-
вернувшиеся в годы Первой мировой войны на
территории западных и южных губерний Россий-
ской империи, спровоцировали появление вынуж-
денных мигрантов: беженцев, которым по своей
воле пришлось покинуть ставшие опасными для
проживания родные места, и выселенцев, остав-
лявших свои дома по распоряжению военных вла-
стей. Явление беженства (в это понятие мы будем
включать и беженцев, и выселенцев) имело место
с первых недель войны. Уже в июле 1914 года в
еврейских газетах появились сообщения о евреях,
уезжающих из приграничных городов и местечек
[1, с. 5]. Архивные материалы также подтвержда-
ют информацию, публиковавшуюся в номерах
периодической печати с самого начала Первой
мировой войны [2, л. 11]. Государство и обще-
ство, осознавая необходимость оказывать содей-
ствие вынужденным мигрантам, приступили к
учреждению новых и преобразованию уже суще-
ствовавших общественных и государственно-об-
щественных организаций, нацеленных на пре-
доставление различной помощи жертвам войны.
Однако на первых порах, когда явление беженства
ещё не приобрело масштаб катастрофы, и пото-
ки вынужденных мигрантов ещё были не столь
значительны и скучены, как стало впоследствии,
особо острого внимания проблеме предотвраще-
ния эпидемий среди вынужденных мигрантов не
уделялось. Так, например, в Положении от 14 сен-
тября 1914 года об учреждении Комитета Великой
княжны Татьяны Николаевны для оказания вре-
менной помощи пострадавшим от военных бед-

ствий (далее – Татьянинский комитет) в перечне
функций, возложенных на Комитет, упоминались
помощь беженцам материальная, с трудоустрой-
ством, помещением в богадельни и приюты и пр.¹.
Но оказание медицинской помощи и меры по со-
блюдению санитарных норм отдельно не пропи-
сывались. 3 сентября 1914 года было утверждено
Положение о Верховном начальнике санитарной
и эвакуационной части при Штабе Верховного
главнокомандующего². В его функции входили:
разработка планов врачебно-санитарной деятель-
ности, наблюдение за устройством санитарных,
эвакуационных и питательных пунктов, проведе-
ние противоэпидемических мероприятий. К делу
также подключились Общество Красного Креста,
Всероссийский земский союз (далее – ВЗС), Все-
российский союз городов (далее – ВСГ). Однако
все эти усилия были преимущественно направле-
ны на военнослужащих (эвакуируемых, больных,
раненых и т.п.), в крайнем случае, военнопленных.
Что же касается беженцев и выселенцев. О них в
Положении было сказано лишь, что «населению
местностей, пострадавших от военных действий,
оказывается спешная помощь, <...> главным
образом, выдачей предметов продовольствия и
одежды и устройством даровых столовых и приу-
тов. Осуществление этих мероприятий поручено

¹ Положение о Комитете Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Законодательные акты, вызванные войною 1914 года / под ред. О.И. Авербах. – Вильна: типография А.Г. Сыркина, 1915. – С. 292–293.

² Положение о Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части // Законодательные акты, вызванные войною 1914 года / под ред. О.И. Авербах. – Вильна: типография А.Г. Сыркина, 1915. – С. 301–306.

местным благотворительным учреждениям, действующим под покровительством и руководством Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от боевых действий»³. Таким образом, мы вновь не наблюдаем упоминания о медицинской помощи вынужденным мигрантам из числа мирного населения.

Впрочем, разумеется, отсутствие в Актах подобного уровня и направленности действий особого упоминания об организации противоэпидемиологических мер в отношении беженцев и выселенцев не является свидетельством того, что подобные шаги не предпринимались или что подобный тип помощи упускался из виду. Уставами общественных организаций помощи жертвам войны (всероссийских и отдельных национально-конфессиональных) предусматривалось оказание, в том числе, врачебно-санитарного содействия вынужденным мигрантам в пути и в местах их новой дислокации. Нередко на местах учреждались врачебно-санитарные комиссии (отделы), работали врачебно-питательные отряды [3, с. 24–26, 29–30]. Даже на заседаниях Совета министров (например, от 25 сентября 1914 года) заходила речь об оказании Татьянинским комитетом медицинской помощи беженцам [4, с. 77]. Однако до начала массового выселения жителей западных губерний Российской империи вглубь страны (конец весны–лето 1915 года), когда поток беженцев и выселенцев стал настолько плотным, а количество вынужденных мигрантов настолько заполонило близлежащие к прифронтовой зоне города и местечки, что возникла угроза эпидемиологического характера, особое внимание на врачебно-санитарной составляющей помощи не заостряли. В диссертации Д.Г. Цовяна сообщается о вспышках в начале 1915 года эпидемии сыпного и брюшного тифа по стране, появления которых связывали, в том числе, с перемещениями беженцев и военнопленных турок [5, с. 103–104]. Однако он же отмечает, что план по предупреждению эпидемий среди беженцев был разработан и принят ВЗС и ВСГ только к августу 1915 года, тогда же стали приниматься активные действия по предотвращению вспышек заразных заболеваний. И лишь с сентября 1915 года противоэпидемиологические мероприятия были скоординированы правительством в масштабе всей страны [5, с. 106–107]. В диссертации В.С. Утгоф организация ВЗС

³ Там же.

«эпидемических и дезинфекционных отрядов» [6, с. 40] на территории Минской губернии отнесена вообще к 1916 году. В статье Т.И. Трошиной [7, с. 84–92] также проведение основных противоэпидемиологических мероприятий отнесено к 1916 году. В диссертации И.Б. Беловой упоминается о вспышках эпидемии тифа и борьбе с ними применительно к более раннему периоду (1914–1915), но только в отношении военнопленных турок. О противоэпидемические мероприятия по части беженцев подробно сообщается только когда речь заходит о периоде Советской власти [8, с. 63, 171–172, 182, 102, 218]. В зарубежной историографии, например, в монографии П. Гетрелла, отмечается, что общественными и государственными деятелями осознавалась опасность беженцев как источника эпидемий [9, р. 27, 152], но более подробно данная тема не развивается. В статье Ю.А. Бахурина, посвященной выселению евреев из западных губерний Российской империи, сообщается об острой проблеме организации врачебно-санитарной помощи еврейским вынужденным мигрантам, но, опять же, применительно к периоду с середины лета 1915 года [10, с. 9–10].

Действительно, об эпидемиологической проблеме активно заговорили лишь во второй половине 1915 года, после того как летом столкнулись с вспышками эпидемий среди вынужденных мигрантов. На заседании Особого совещания по устройству беженцев, состоявшемся 10 сентября 1915 года, министр внутренних дел Н.Б. Щербаков отметил, что «задача урегулирования движения беженцев очень трудна, особенно принимая во внимание тяжелые санитарные условия, в которых находятся беженцы, в результате чего среди них появились даже холерные заболевания» [11, л. 1]. Били тревогу врачи. Делегаты Пироговских съездов врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов, состоявшихся в 1916 и 1917 гг., свидетельствовали, что беженцы, находясь долгое время в пути, часто голодали, пили нередко из зараженных водоемов и луж; среди них развивались эпидемические заболевания – дифтерия, тиф, холера и др. Беженская проблема не являлась изолированной: она затрагивала местное коренное население, представляла серьезную опасность для армии [12, с. 119–120]. На Пироговском съезде, прошедшем 13–18 апреля 1916 года, сообщалось, что распределение беженцев по губерниям и городам вызывало «большую

заболеваемость и смертность как пришлого, так и оседлого населения» [13, с. 33].

Большинство врачебно-санитарных проблем, с которыми сталкивались при попытках предотвращения взрыва эпидемии среди вынужденных мигрантов и, как следствие, среди местного населения, можно было обнаружить в Черниговской губернии ещё весной–летом 1915 года в отношении еврейских выселенцев.

Первая значительная волна еврейских беженцев прибыла в Черниговскую губернию в мае 1915 года, вследствие выселения евреев в апреле–мае 1915 из прифронтовой зоны Курляндии и Ковенской губернии по приказу военных властей. О приезде евреев-«ковенцев» в города Черниговской губернии писали в еврейской прессе [14, с. 33]. Эти данные подтверждались и архивными материалами канцелярии Черниговского губернатора, сообщавшими, что на 19 мая 1915 года «в губернию прибыло 3 тыс. евреев, высланных из Ковенской губернии, которые были размещены в Мглинском, Суражском и Стародубском уездах» [15, л. 1].

Уже 14 мая 1915 года из Петрограда в Чернигов прибыли уполномоченные от Общества охранения здоровья еврейского населения (далее – ОЗЕ). Оно было учреждено ещё осенью 1912 года и «к началу Первой мировой войны уже покрыло значительную часть черты оседлости сетью своих учреждений» [16, с. 493]. В годы Первой мировой ОЗЕ сконцентрировало свое внимание на оказании врачебно-санитарной помощи еврейским вынужденным мигрантам и предотвращении среди них вспышек эпидемий. Однако при разрешении столь первостепенной задачи членам ОЗЕ пришлось столкнуться с немалым количеством трудностей и препон.

Приехав в Чернигов 14 мая 1915 года члены летучего отряда ОЗЕ Л.Б. Гаркави, М.И. Радовский, Н.Я. Брозелио, Л.С. Каминский, прежде чем разъехаться по ранее предусмотренным пунктам назначения в Черниговской губернии, попытались получить от местной администрации и общественных деятелей сведения о врачебно-санитарном положении прибывших еврейских выселенцев. Но эта инициатива не увенчалась успехом, за санитарно-эпидемиологической обстановкой среди вынужденных мигрантов никто на тот момент не проследил. Медики прождали новостей несколько дней и, так и не получив никаких вво-

дных данных, отбыли по местам назначения. Л.Б. Гаркави и Н.Я. Брозелио – в Мглин, М.И. Радовский – сначала в Сураж, потом в Почеп, Л.С. Каминский – в Стародуб [15, л. 2–3]. То есть в уездные центры проживания еврейских выселенцев в Черниговской губернии.

Прибыв на место 16 мая 1915 года, уже 20 мая уполномоченные ОЗЕ столкнулись с ещё одной проблемой: слишком большой концентрацией представителей различных благотворительных еврейских организаций помощи жертвам войны на единицу площади [17]. Согласно сообщению доктора Л.С. Каминского в Комитет ОЗЕ в Петрограде, «по приезду в Мглин, Сураж и Стародуб они нашли там уполномоченных от Киевского комитета, Черниговского, Гомельского и уполномоченного Центрального еврейского комитета жертвам войны из Петрограда (далее – ЕКОПО)» [15, л. 5]. Схожую информацию передавал в Петроград в свой Центральный комитет и представитель ЕКОПО в Черниговской губернии С.Л. Викторов [18, л. 13].

На первый взгляд может показаться, что ситуация в Черниговской губернии складывалась наилучшим образом, так как чем больше людей собиралось участвовать в оказании медицинской помощи вынужденным мигрантам, тем быстрее должен был бы пойти процесс и тем успешнее были бы результаты их труда. Однако проблема состояла в том, что в Черниговской губернии оказанием помощи еврейским выселенцам одновременно решили заняться представители отчасти конкурирующих между собой комитетов. Встал вопрос о том, чьей сфере влияния принадлежит Черниговская губерния: Петроградскому или Киевскому еврейскому комитету помощи жертвам войны. В итоге представители ОЗЕ, согласно отправляемым ими в Петроград письмам и телеграммам, никак не могли начать работу. Поскольку дело начинало приобретать неприятный оборот, уполномоченные от местных комитетов, Киева, ЕКОПО и ОЗЕ собрались в Клинцах на совещание [15, л. 5–6]. На собрании было принято временное решение: до окончательного разрешения ситуации центральными комитетами организаций всё-таки начать работу по оказанию помощи еврейским выселенцам.

Однако трения так и не прекратились, врачи ОЗЕ продолжали слать в Петроград донесения о том, что «киевляне считают наше пребывание

здесь излишним, ибо хотят взять на себя обслуживание Черниговской губернии во всех видах и проявлениях помощи» [15, л. 5об.]. Представители ОЗЕ заявляли, что скорее готовы работать совместно с уполномоченными ЕКОПО, чем с членами Киевского комитета [15, л. 5об.]. Началось своеобразное противостояние комитетов Петрограда против Киевского.

Но пока в центральных комитетах решалась судьба Черниговской губернии, уполномоченные ОЗЕ всё-таки приступили к работе. Ставя заботу о здоровье на первое место и в виду острой необходимости создать на местах размещения еврейских выселенцев хотя бы минимальные условия гигиены и санитарии, борясь со скученностью проживания и, как следствие, угрозой вспышки эпидемии заразных болезней, врачи летучего отряда ОЗЕ начали готовить почву к «распылению беженцев по всем уездам Черниговской губернии» [15, л. 5 об.]. Для достижения поставленной цели знакомились с емкостью соседних городов и местечек, обследовали самих выселенцев, деля их на категории, искали пути решения «квартирного вопроса». На тот момент он стоял особенно остро и, по сути дела, был одной из причин сохранения угрозы вспышек эпидемии среди выселенцев. В мае 1915 года в Сураже находилось 320 еврейских выселенцев, в Мглине – 560 чел., в Стародубе – 1130 чел. Все они были размещены либо в синагогах, либо в имеющихся свободных помещениях, «которые иначе как свалочные места» [15, л. 6] характеризовать было нельзя. Уполномоченные ОЗЕ сообщали в Петроград об ужасных санитарных условиях, в которых вынуждены были жить еврейские выселенцы. «Груды вещей, взрослые, дети перемешаны в страшную массу <...>. Эпилептики, парализованные старики, скабиозные, трахоматозные, хроники всех видов, психические расстройства дополняли эту картину» [15, л. 6]. Также передавались сведения и о вспышках эпидемиологических заболеваний в Мглине и Стародубе. В Мглине были случаи заражения тифом, в Стародубе – скарлатиной.

К проблеме скученности проживания в антисанитарных условиях вынужденных мигрантов добавилась нехватка медикаментов. 20 мая 1915 года из Стародуба Л.С. Каминский отправил в Петроград депешу центральному комитету ОЗЕ с просьбой прислать необходимые дезинфекционные средства, медикаменты и инструменты, по-

скольку на месте ничего нельзя достать [15, л. 7]. Следом от Л.С. Каминского полетела в Петроград срочная телеграмма (23 мая) о том, что средства на содержание еврейских выселенцев истощились, необходима немедленная денежная помощь. Так как из-за инфекционных заболеваний уже были летальные случаи, грозит голод, что ещё более ослабит и без того не сопротивляющиеся болезням организмы вынужденных мигрантов. Всё это может привести к вспышке настоящей эпидемии [15, л. 9].

Комитет ОЗЕ из Петрограда выслал своим уполномоченным в Черниговской губернии требуемые денежные средства и медикаменты. Врачебно-санитарная ситуация начала выправляться. В Мглине была налажена работа санитарно-медицинской службы, организована врачебно-санитарная помощь в Сураже. В Стародубе, в виду опасности распространения эпидемии, большая часть сил была направлена на организацию санитарного отряда из местных сил, что и удалось сделать. Были установлены дежурства санитаров, организованы объезды пунктов проживания еврейских выселенцев врачом, оборудованы два изоляционных пункта. При содействии местного врача Г.Б. Рабиновича инфекционные больные из числа вынужденных мигрантов стали приниматься в больнице [15, л. 6об.].

Система оказания врачебно-санитарной помощи начала налаживаться. И тут пришло уведомление из Петрограда и Киева, что Черниговскую губернию всё-таки передают под опеку Киевского комитета [15, л. 15].

Врачи ОЗЕ начали слать из Черниговской губернии телеграммы в Центральный комитет Общества, спрашивая, что им дальше делать в сложившейся ситуации. В ответ им было сообщено, что все дела надо передать Киевскому комитету, а затем отбыть обратно Петроград [15, л. 22–23]. В итоге уполномоченные ОЗЕ, не доведя до конца работу, но дождавшись прибывших им на смену представителей от Киевского комитета, в конце мая 1915 года уехали из Черниговской губернии.

Однако в начале июня 1915 года из Стародуба в Центральный комитет ОЗЕ в Петрограде пришло письмо, в котором сообщалось, что Киевский комитет из-за отсутствия достаточных средств отказался оказывать врачебно-санитарную помощь. Поэтому местный комитет просил вернуть к ним представителя Петроградского ОЗЕ, чтобы он за-

кончил начатое дело [15, л. 32об.–35об.].

В итоге Комитет Общества охранения здоровья еврейского населения принял решение всё-таки отправить Л.Б. Гаркави на помощь Розенштейну, представителю Киевского комитета в Черниговской губернии [15, л. 41–42об.]. Л.Б. Гаркави два месяца (с июня по конец июля 1915 года) проработала в Черниговской губернии, занимаясь оказанием врачебно-санитарной помощи и борясь со вспышками эпидемий холеры, тифа, скарлатины и прочих заразных заболеваний. По сообщенным Гаркави в отчетах сведениям, она занималась «латанием дыр» в организованных врачебно-питательных пунктах. Объезжала 13–14 пунктов, все уезды и местечки Черниговской губернии, направляя всё внимание на санитарно-медицинскую помощь в виду появившееся в июне–июле 1915 года в Черниговской губернии эпидемии холеры. Острая вспышка заболевания имела место в Мглине, было много случаев заболеваний и смертей среди еврейских выселенцев. К 18 июля 1915 года эпидемия в Мглине была локализована. Но появилась холера в Почепе. Более-менее спокойная эпидемиологическая ситуация была в Стародубе и Клинцах, но сохранялась угроза прихода холеры и в эти города. 25 июля 1915 года, когда ситуация с эпидемией стабилизировалась, вспышка болезни пошла на спад, Л.Б. Гаркави выехала в Петроград, вновь оставив Черниговскую губернию на попечение Киевского еврейского комитета помощи жертвам войны [15, л. 41–43].

Осенью 1915 года местная администрация радикальным образом решила проблемы возможных вспышек эпидемии среди еврейских вынужденных мигрантов, проживавших в Черниговской губернии: большая часть из них (примерно 75% от прежнего количества) была просто выслана из губернии.

Таким образом, исследование процесса ор-

ганизации противоэпидемиологических мер в отношении еврейских беженцев в Черниговской губернии Российской империи в 1915 году проявило ряд проблем, в целом, мешавших успешному решению задачи по предотвращению вспышек эпидемии среди вынужденных мигрантов. Во-первых, вскрылся факт слабой осведомленности местной администрации о санитарно-эпидемиологической обстановке, в которой жили вынужденные мигранты. Это, с одной стороны, мешало им вовремя принять соответствующие ситуации меры, с другой, в итоге подтолкнуло к выбору пути наименьшего сопротивления в борьбе с угрозой эпидемии: просто выселить источник потенциальной опасности за пределы своей губернии. Во-вторых, обнаружилась проблема нескоординированности работы схожих по своему амплуа благотворительных общественных организаций, которые своими несогласованными действиями и «перетягиванием одеяла на себя» не способствовали успешному решению поставленных задач. Более того, напротив, препятствовали их скорому урегулированию, что порой приводило к сбою уже наметившихся успехов в организации противоэпидемиологических мероприятий. Эту же проблему, применительно к работе Российского общества Красного Креста, отмечает в своей диссертации О.В. Чистяков [19]. В-третьих, подтвердилось, что неразрешенность «квартирного вопроса» приводит к скученности проживания большого числа вынужденных мигрантов в помещениях, нередко не пригодных для обитания, как следствие, антисанитария и благоприятная почва для вспышек эпидемий. В-четвертых, только благополучное разрешение проблемы с нехваткой денежных средств и медикаментов может позволить успешно решить и вопросы организации противоэпидемиологических мероприятий в отношении вынужденных мигрантов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Выселения // Новый восход. – 1914. – № 30. – С. 5–6.
2. Сводки, сведения и заявления о положении еврейского населения и еврейских погромах во время войны 1914–1915 г. в прифронтовых районах Западного фронта. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9458. – Оп. 1. – Д. 140.
3. Отчет Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны с начала его деятельности (август 1914 года) по 30-е июня 1917 года. – Пг.: Еврейский комитет помощи жертвам войны, 1918. – 109 с.
4. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка) / Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.

5. Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Д.Г. Цовян. – М.: Государственный университет управления, 2005. – 216 с.
6. Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дис. ... канд. ист. наук / В.С. Утгоф. – СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2003. – 183 с.
7. Трошина Т.И. Противоэпидемические мероприятия в годы Первой мировой войны: региональный аспект (на материалах Архангельской губернии) / Т.И. Трошина // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2020. – № 2. – С. 84–92.
8. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (по материалам центральных губерний Европейской России): дис. ... д-ра ист. наук / И.Б. Белова. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2015. – 461 с.
9. Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I / P. Gatrell – Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1999. – 317 p.
10. Бахурин Ю.А. "Великий Исход": тяготы вынужденных переселений из западных окраин России в 1914–1916 гг. / Ю.А. Бахурин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2014. – № 1 (5). – С. 8–14.
11. Журнал Особого совещания по устройству беженцев и Кредитной комиссии. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1322. – Оп. 1. – Д. 1.
12. Грехов А.В. Опыт медико-статистического анализа социальных последствий участия России в Первой мировой войне (по материалам Общества русских врачей) / А.В. Грехов, Н.Н. Грехов // Homo-belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: материалы Российской научной конференции – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – С. 118–122.
13. Пироговский съезд врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов, 13–18 апреля 1916 г. – Пг.: Практическая медицина, 1916. – 96 с.
14. Выселение из Ковенской и Курляндской губернии // Еврейская неделя. – 1915. – № 1. – С. 28–33.
15. Об оказании медицинской помощи беженцам в Черниговской губернии. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1545. – Оп. 1. – Д. 57.
16. Троцкий И. Самодеятельность и самопомощь русского еврейства / И. Троцкий // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. – С. 475–501.
17. Златина М.А. «33 несчастья» или проблема организации помощи еврейским беженцам в Черниговской губернии (май–декабрь 1915 г.) / М.А. Златина // Петербургские военно-исторические чтения: сборник научных статей. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 115–121.
18. Донесения уполномоченных комитета ЕКОПО о деятельности Херсонской, Таврической, Черниговской и других губернских комитетов. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1546. – Оп. 1. – Д. 67.
19. Чистяков О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.В. Чистяков. – М.: Государственный университет управления, 2009. – 159 с.

REFERENCES

1. Evictions. *Novyj voshod* [New Sunrise], 1914, no. 30. pp. 5–6 (in Russian).
2. Reports, information and statements about the situation of the Jewish population and Jewish pogroms during the war of 1914–1915 in the frontline areas of the Western Front. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], Fund 9458, Inventory 1, Document 140 (in Russian).
3. *Otchet Central'nogo evrejskogo komiteta pomoshhi zhertvam vojny s nachala ego dejatel'nosti (avgust 1914 goda) po 30-e ijunja 1917 goda* [Report of the Central Jewish Committee for the Relief of War Victims from the beginning of its activities (August 1914) to June 30, 1917]. Petrograd, Jewish Committee for the Relief of War Victims, 1918. 109 p. (in Russian).
4. *Sovet ministrov Rossijskoj imperii v gody pervoi mirovoi vojny. Bumagi A.N. Yakhontova (Zapisi zasedanii i perepiska)* [The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers of A. N. Yakhontov (Records of meetings and correspondence)]. St. Petersburg branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 1999. 558 p. (in Russian).
5. Tsovyan D.G. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsii po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody pervoi mirovoi vojny. 1914–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The activities of state bodies and public organizations to assist refugees during the First World War. 1914–1917: dis. PhD in History]. Moscow, State University of Management, 2005. 216 p. (in Russian).

6. Utgof V.S. *Belorusskie bezhentsy Pervoi mirovoi voyny v 1914–1922: dis. ... kand. ist. nauk* [Belarusian refugees of the First World War in 1914–1922: dis. PhD in History]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2003. 183 p. (in Russian).
7. Troshina T.I. Anti-Epidemic measures in the years of the First world war: regional aspect (on the material of the Arkhangelsk province). *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problem bezopasnosti v chrezvychajnyh situacijah* [Medico-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations], 2020, no. 2. pp. 84–92 (in Russian).
8. Belova I.B. *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennye Pervoi mirovoi voyny v Rossii. 1914–1925 gg. (Po materialam tsentral'nykh gubernii Evropeiskoi Rossii): dis. ... d-ra ist. nauk* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925 (Based on the materials of the central provinces of European Russia): Dis. ... Doc. habil. in History]. Bryansk, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, 2015. 461 p. (in Russian).
9. Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indianapolis, Indiana univ. press, 1999. 317 p.
10. Bakhurin Yu. A. "The Great Exodus": the hardships of forced migrations from the Western suburbs of Russia in 1914–1916. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies], 2014, no. 1 (5), pp. 8–14 (in Russian).
11. Journal of the Special Meeting on the Arrangement of Refugees and the Credit Commission. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive], Fund 1322, Inventory 1, Document 1 (in Russian).
12. Grekhov A.V., Grekhova N.N. Russian experience of medical and statistical analysis of the social consequences of Russia's participation in the First World War (Based on the materials of the Society of Russian Doctors). *Homo belli – chelovek voiny v mikroistorii i istorii povsednevnosti* [Homo belli – the man of war in microhistory and the history of everyday life: materials of the Russian Scientific Conference], Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2000. pp. 118–122 (in Russian).
13. *Pirogovskii siezd vrachei i predstavitelei vrachebno-sanitarnykh organizatsii zemstv i gorodov, 13–18 aprelya 1916 g.* [Pirogov Congress of Doctors and Representatives of Medical and Sanitary Organizations of zemstvos and cities, April 13–18, 1916]. Petrograd, Practical medicine, 1916. 96 p. (in Russian).
14. Eviction from Kovno and Courland provinces. *Evrejskaja nedelja* [Jewish Week], 1915, no. 1. pp. 28–33 (in Russian).
15. On the provision of medical assistance to refugees in the Chernihiv province. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive], Fund 1545, Inventory 1, Document 57 (in Russian).
16. Trotsky I. Initiative and self-help of Russian Jewry. *Kniga o russkom evreistve ot 1860-kh godov do revolyutsii 1917 g.* [Book of Russian Jewry from the 1860s years before the revolution 1917], Moscow, Bridges of Culture; Jerusalem, Gesharim, 2002, pp. 475–501 (in Russian).
17. Zlatina M.A. "33 misfortunes" or the problem of organizing assistance to Jewish refugees in Chernihiv province (May–December 1915). *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: sbornik nauchnykh statei* [St. Petersburg military-historical readings, a collection of scientific articles], St. Petersburg, Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, 2018, pp. 115–121 (in Russian).
18. Reports of the authorized representatives of the ECOPO Committee on the activities of the Kherson, Taurida, Chernihiv and other provincial committees. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive], Fund 1546, Inventory 1, Document 67 (in Russian).
19. Chistyakov O.V. *Organizatsionnoe ustroistvo i deyatelnost' Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914–1918 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Organizational structure and activity of the Russian Red Cross Society during the First World War: 1914–1918: dis. PhD in History]. Moscow, State University of Management, 2009. 159 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Златина Мария Александровна – доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.), Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кандидат исторических наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru
ORCID: 0000-0002-4735-2244
Author ID 554090/2154-1791

AUTHOR

Maria Zlatina – Docent, Herzen State Pedagogical University of Russia, Ph.D. in History, Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru
ORCID: 0000-0002-4735-2244
Author ID 554090/2154-1791